

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

СПЕЦНАЗ

Сергей АЛТЫНОВ

БОЛЕВОЙ
ПРИЕМ

Сергей Алтынов

Болевой прием

«ЭКСМО»

Алтынов С. Е.

Болевой прием / С. Е. Алтынов — «Эксмо»,

Для нее почти нет невозможного. Женя Гладкова – суперпрофессиональный частный детектив. Спецслужбы доверяют ей самые сложные операции. Поиск исчезнувшего из собственного дома ученого-оборонщика Шорникова – задачка как раз для нее. Практически полное отсутствие следов и зацепок не останавливает Женю, и она выходит на некоего Графа. Похоже, он причастен не только к похищению ученого. В секретной лаборатории Граф ставит зловещие эксперименты над людьми. Покончить с этими опытами Жене помогает лихой полковник спецназа ВДВ по прозвищу Хмурый – брат Шорникова...

© Алтынов С. Е.

© Эксмо

Содержание

Пролог	5
Часть I	9
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	24
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сергей Алтынов

Болевой прием

Физическое пресечение и понуждение могут быть прямою религиозною и патриотическою обязанностью человека, и тогда он не вправе от них уклониться.

Иван Ильин.

Из книги «О сопротивлении злу силою»

Пролог

Как гласит народная мудрость, если в лесу вы натываетесь на деревья с сидящими на них людьми, значит, эти деревья дубы, а вы – дикий кабан. Сейчас была примерно такая же ситуация. Правда, с немного иным пейзажем. Пустырь с редкими, но высокими дюнами строительного мусора, черные окна двух выселенных пятиэтажек, пара фонарей с лампочками, выбитыми еще в прошлом веке. Вечернее небо над головой, серый песок под ногами. Не должно пройти и пятнадцати минут, как кому-то потребуется влезть на фонарный столб, а кое-кто превратится в беспощадного лютого зверя. Я достала из сумочки сигареты и зажигалку, прикурила. Вообще я терпеть не могу табачного дыма и даже прокуренных помещений, но сейчас мне нужно было что-то делать. Иначе те, кто следили за мной, могли задаться закономерным вопросом – что делает на заваленном мусором пустыре блондинистая девица в джинсовой куртке и брюках?! Ищет приключений на свою не слишком худую задницу? А так – все нормально и буднично, стою, курю, люблюсь на зажигающиеся звезды.

За мной следили с самого вокзала. Сперва я вычислила ИХ, а потом ОНИ заметили меня и вели до самого пустыря. Сейчас они где-то рядом, наблюдают, выжидают, чтобы наброситься наверняка, отрезав мне любую возможность к бегству. Но они не настолько умны, чтобы сообщить – я жду именно этого и отступать не собираюсь... Так, вот оно, кажется, начинается! В начале пустыря, со стороны пятиэтажек, показалась одинокая мужская фигура. Взглянув на наручные часы я отметила пунктуальность – встреча была назначена ровно на 22.30. Двигающийся в мою сторону мужчина был не кто иной, как зритель и заказчик того зрелища, которое должно было начаться с минуты на минуту.

– Вы Евгения Федоровна? – спрашивает он, не доходя до меня каких-то пару шагов.

Я вижу его впервые и молча киваю головой. Он молод, но фигура несколько мешковата, носит очки, недешевый плащ и стильные ботинки с острыми носами. Старается держаться точно на своей дурацкой службе, какая я ему Федоровна?! Я, скорее всего, даже младше на пару лет, чем он.

– Почему вы вызвали меня сюда? – продолжает он служебным тоном.

– Хочу, чтобы вы удостоверились в том, что я четко выполняю поставленные задачи, – отвечаю я и добавляю с некоторым вызовом: – Впрочем, лично вас я не вызывала.

Он не обижается. Служба, она и на засранном пустыре служба.

– На шоссе меня и вас ждет машина. Там трое наших сотрудников с оружием, – сообщает очкарик.

– Это лишнее, – пожимаю плечами я.

Очкарик пожимает плечами в ответ, бросает взгляд за мою спину, усмехается. Его можно понять. Сзади меня стоит огромный, в человеческий рост, плакат, на котором изображен симпатичный молодой человек с усами, развевающимися в разные стороны патлами, выбившимися из-под треуголки времен Петра Первого. В руках у молодого человека сабля, он явно

готов к яростной атаке. Кажется, его зовут Джонни Депп, а фильм именуется «Пираты Карибского моря». Однако надпись внизу гласит следующее:

ПОДВИГ НАРОДА БУДЕТ ЖИТЬ В ВЕКАХ!

Ну что ж, на просторах Карибского моря люди тоже кровь проливали, и не зазря. Жаль, что я уже не в том возрасте, когда люди интересуются пиратами... Плакат подпирает груды ржавых, дырявых ведер и еще какой-то недвусмысленно пахнущей рухляди... Еще минуты полторы у нас есть. Те, кто сейчас наблюдают за нами, уже должны были оценить обстановку. На пустырь явился некий толстый очкарик в дорогом прикиде. Что ж, свидания зачастую назначаются в самых невероятных местах. Девка и очкарик весьма лакомая добыча для тех, кого я вычислила еще в электропоезде.

– Вы совершенно не похожи на «человека оттуда», – произношу я, чтобы продолжить беседу и чтобы со стороны мы казались беспечно болтающей парочкой. – В смысле на офицера спецслужбы.

– А на кого я похож? – спрашивает очкарик.

– На топ-менеджера.

– Или гоп-стоп-менеджера? – улыбается он.

Похоже, у него есть чувство юмора, и он не прочь беседовать со мной в столь вольном стиле. Что ж, не пройдет и пяти минут, как этому юноше будет не до смеха.

– Гоп-стоп-менеджер, – повторила я и кивнула за спину моего собеседника.

Обернувшись, он невольно сделал шаг назад. М-да, как говорится, не прошло и минуты. Как все иной раз быстро и точно складывается.

– Вам страшно? – спрашиваю я.

Мой собеседник ничего не ответил, лишь инстинктивно дернул правую руку к скрытой под плащом пистолетной кобуре.

– Это то, что вы просили меня найти.

Он вновь ничего не ответил, но явно был готов в любую секунду выхватить свой табельный пистолет. Что было вполне объяснимо: пока мы ненавязчиво беседовали, нас взяли в плотное кольцо шестеро. Молодые, высокие, с тупыми, ничего не выражающими физиономиями. Обкуренная, обколотая мразь. Или же, если выразаться политкорректно, – гоп-стоп-менеджеры.

– Зачинщик убийств вот этот, в красной куртке, – сообщила я.

Очкарик скупно кивает, делает шаг в сторону. Это достаточно осмотрительно с его стороны, никто из нас не должен перекрывать друг другу линию огневого поражения. На нас надвигаются молча. У одного я замечаю нож, у двух других велосипедные цепи, остальные тоже наверняка вооружены, но прячут оружие под грязными, мятыми куртками. Они могли бы броситься на нас, но им нужно насладиться нашим страхом и собственным величием.

– Бабло вынимай! – командует тот, что в красном.

Он ближе всех к нам, что-то жует слюнявой губастой пастью. Низкий лоб, вместо прически редкие стриженные кусты, вместо глаз черные, ничего не выражающие провалы... Даже если мы отдадим все деньги и прочие имеющиеся ценности, в живых нас не оставят. Как сделали это с пятью менее удачливыми мужчинами и женщинами всего за прошедшие полмесяца. Вступать с ними в переговоры мы не собираемся. Даже если эта мразь не обучена боевым единоборствам, она очень опасна. Они уже запрограммированы на насилие, убийство. Каждое их движение обусловлено именно этим желанием. Они уже совсем близко, медлить больше нельзя. Очкарик выхватывает из потайной кобуры пистолет Макарова, а я извлекаю из джинсы маленький ПСС – пистолет специальный самозарядный. И бесшумный. Мой собеседник тут же стреляет один раз и при этом в воздух (ничего не попишешь – служебная инструкция!), а я ровно шесть раз, расходуя весь боекомплект, и отнюдь не в вечернее небо. Двое

успевают вскрикнуть, в том числе и главарь в красной куртке, остальные валятся молча, точно сбитые городки. С двадцати метров пуля, выпущенная из ПСС, пробивает армейскую каску. Все шестеро лежат, дополнив своими телами мусорный пейзаж. Я убираю оружие, молча подхожу к главарю, одним движением задираю куртку на его правой руке до плеча. Очкарик видит цветную татуировку в виде какой-то сатанинской твари, опутавшей всю конечность.

– Точно! – кивает очкарик. – Выжившая девушка говорила именно про такую татуировку. Тогда он был без куртки.

– Тогда была жара, – киваю я.

В самом деле был один из самых жарких летних дней. Ту изнасилованную девушку, сообщившую хоть какие-то приметы молодежной банды, грабившей, насилюющей и убивающей молодых людей в разных районах Подмосковья, били головой о металлический парапёт железнодорожного моста, потом сбросили в воду. Удостовериться в ее окончательной смерти не успели, их спугнула ехавшая мимо машина ДПС. И девушка выжила.

– Как вы их нашли? – вытирая испарину со лба, задает вопрос очкарик.

Вообще-то я не обязана перед ним отчитываться, но тем не менее охотно делюсь опытом:

– Поскольку убийства совершались в разных районах, я поняла, что банда мобильна. Ну а поскольку убийства происходили неподалеку от железнодорожных путей, я поняла, что своих жертв преступники отслеживали в электричках.

Уточнять, как такая элементарная мысль не могла прийти в голову областным милиционерам и той же спецслужбе, я не стала. В ответ будут лишь стенания и ссылки на нехватку денег, бензина, людей, времени и прочего... Если бы среди тех пяти убитых не было сына одного из генералов спецслужбы, то убийства продолжались бы и поныне. Меня же наняли исключительно по просьбе того самого генерала, заурядная уголовщина не мой профиль. Тем не менее приходится при необходимости делать и чужую работу.

– Вот видите, они совсем не страшные, – позволяю себе улыбнуться я.

Лет семнадцать назад, когда я еще была младшей школьницей и жила с родителями в одной из южных республик бывшего СССР, как-то раненько по улицам моего родного города прошла шумная толпа таких вот ребятишек, а к полудню по всему городу лежали тела людей с отрезанными головами. Много тел, а голов чуть меньше. Говорят, собаки успели съесть, многих так без голов и хоронили... Но об этом я сейчас вслух не говорю.

Мой собеседник ничего не отвечает, лишь передергивается всей своей мешковатой фигурой. Потом лезет во внутренний карман, протягивает мне две пачки с денежными купюрами.

– Остальное получите лично у генерала, – произносит он. – Вас подвезти?

– Спасибо, не стоит, – отвечаю я.

Уверена, он некоторое время смотрит мне вслед, пока я совсем не исчезаю в окончательно сгустившихся сумерках. Джонни Депп смотрит мне в спину, надпись под Джонни продолжает убеждать, что подвиг карибских пиратов будет жить в веках. Очкарик поправляет кобуру, запахивает плащ и поспешно возвращается к ждущей его машине с тремя вооруженными сотрудниками. Те вряд ли слышали стрельбу. Выстрел очкарика совпал с гудком электровоза, а мой пистолет бесшумен, разве что затвор лязгает. Они бывалые мужики, возможно, кто-то из них слышал обо мне, тем не менее заметно удивлены рассказом коллеги-очкарика. Он наверняка спрашивает у них, кто я такая и почему обо мне почтительно отзываются генералы с большими звездами.

– Она Охотница. Стальная баба... – отвечает ему один из сидящих в машине.

– А я слышал, что она никогда не стреляет в людей в форме. Это ее принцип... – добавляет другой сотрудник.

– Она – офицер? – спрашивает мой недавний собеседник, протирая вспотевшие очки.

– Нет, – отвечают ему, – она нигде не служит. Никто не может ей ничего приказать...

Я в это время стою на шоссе, и около меня останавливается частник, которому я махнула рукой. Он видит перед собой усталую женщину с бледным, лишенным косметики лицом, с убранными под платок волосами и с сигаретой в ненакрашенных губах. Я прошу отвезти меня в Москву, он кивает. Сидя на заднем сиденье, я продолжаю воображать себе происходящий в эти минуты разговор между спецслужбистами:

– Ее отец – капитан, офицер «Альфы». Погиб при обезвреживании террористов.

Это неправда, но мне пока что не хочется ничего опровергать. Пусть для кое-кого это будет так!

– Ликвидация Шамиля Басаева часом не ее рук дело?

– Говорят, ее... Но я вам об этом не говорил.

Дело не моих рук, но, опять же, опровергать до поры до времени не буду.

– У нее какая-то фантастическая энергетика. Мне говорили, она взглядом факелы тушит...

Явное вранье! Не факелы, а свечку, и всего один раз.

– Зачем она этим занимается?

– Она не может без этого жить...

Последнее почти правда.

– Прямо-таки русская Никита...

Вот на это могу и обидеться! Никита – психопатка, а я умею держать себя в руках. Даже сейчас руки ничуть не дрожат. Для водителя-частника я усталая, полусонная дачница, возвращающаяся в столицу.

– Ее на самом деле зовут Евгения?

Этот вопрос задает очкарик, остальные в ответ лишь пожимают плечами.

На самом деле никакого такого разговора не происходит и происходить не может. В спецслужбе не принято задавать лишних вопросов.

А зовут меня и в самом деле Евгения.

Гладкова Евгения Федоровна. Можно назвать меня блондинкой, можно рыжей. Телосложение среднее, рост тоже средний, глаза серые. Иногда ношу очки, зрение, увы, немного подвело. Возможно, из-за детского увлечения чтением фантастических книжек перед сном. Вожу машину, неплохо играю в волейбол, могу в подлиннике читать англоязычных классиков, что, впрочем, делаю крайне редко. И еще могу без пауз и запинок произнести скороговорку: «Хирурги характеризуют хвори рахитов хрупкостью хрящей и хроническим хромосомным харакири...»

Часть I

Игра на вылет

Глава 1

Сегодня утром меня впервые назвали женщиной. А до этого лишь «девушка» да «девушка»... А с сегодняшнего утра я – женщина!

– Женщина, вы не подскажете, где ближайшее метро? – спросил меня строгий дяденька в очках, лет эдак на тридцать постарше.

Где метро, я подсказала, затем оглядела себя в зеркальной витрине ближайшего маркета. Еще не окончательно вышла из образа усталой дачницы, что, впрочем, не так плохо. Не будут всякие придурки по пути клеиться. Я прохожу мимо очередной столичной стройки (в Москве постоянно что-то строят и перекапывают!), сворачиваю в переулок. Затем в арку. Останавливаюсь у двери выделенного подъезда. Распахиваю ее и оказываюсь перед другой дверью, на сей раз железной и с кодовым замком. Набрав код, оказываюсь в длинном слабо освещенном коридоре. Пока я двигаюсь по нему, меня тщательно изучают на экране видеомонитора. Как выглядит лицо, походка, во что одета, имеется ли под одеждой оружие. Просвечивают точно рентгеном. Останавливаюсь в конце коридора у следующей двери, вновь набираю код.

– Оружие сдайте, пожалуйста, – произносит откуда-то сверху голос невидимого привратника, как только дверь открывается.

С местными порядками не поспоришь. Вынимаю оружие и кладу перед запертым окошечком. Не ПСС (ПСС уже и в помине нет), а заурядный газовый шпалер, годный пугать пьяных бомжей. Окошечко не открывается, но пистолет автоматически сам въезжает под него и исчезает, точно его и не было. Я вновь иду по коридору, пока не дохожу до двери с буквою Н, которая сама распахивается перед моим носом.

– Проходите, Евгения Федоровна!

Итак, я в самом чреве спецслужбы, точнее, в ее штаб-квартире. Окон в этой штаб-квартире не имеется, но освещение и вентиляция прекрасные. И еще имеется несколько «нижних этажей», а также лифт, ведущий в подземный бункер, в так называемое метро-2. Я там еще ни разу не была, но знаю, как попасть туда из нескольких столичных точек и подземными тоннелями добраться до штаб-квартиры...

В кабинете начальника со мной здоровается среднего роста человек лет пятидесяти, подтянутый, с внешностью и голосом школьного учителя точных дисциплин. Разумного и доброго.

– Вы отлично выполнили задание, – произносит он. – Милиция, скорее всего, закроет дело, следов никаких. Предварительная версия – обкурившиеся отморозки сами перестреляли друг дружку, а пистолет выпал из рук умирающего от ран, упал в сточную канаву, и его унесло течением.

Сточная канава имелась, течение тоже. Быстрое и холодное. Против такой версии трудно возразить.

– Вы-то сами как? – спрашивает хозяин штаб-квартиры.

– Как обычно, – отвечаю я дежурной фразой.

– Ну что ж, получите вашу зарплату, расписываться не обязательно.

Он выкладывает из ящика письменного стола еще три пачки денег. Сам за них где-то расписался, а я ведь не сотрудница, я наемница... У хозяина штаб-квартиры плохо сочетаемые имя и отчество – Сократ Иванович. Фамилия – Прохоров. Он генерал, но я совершенно

не представляю его в форме. А несчастный генерал, сына которого убили юные отморозки, – близкий друг Сократа Ивановича.

– Когда эти ублюдки насиловали и убивали других детей, никто и не чесался... – убрав деньги, произношу я.

Поскольку не ношу погон, то могу позволить себе мнение, не всегда совпадающее с генеральским. Впрочем, генерал и не спорит.

– Да, это так, – согласился со мною Сократ Иванович и добавил отстраненным тоном: – В стране дураков построили наконец хорошие дороги, но, как оказалось, не туда.

– Эту шутку я уже слышала. Правда, не от вас.

– На авторство не претендую, – кивает генерал Прохоров. – Евгения Федоровна, я знаю ваше состояние, знаю, что вам необходим отдых...

Я молча поднимаю вверх ладонь. Дескать, все ясно, у Сократа Ивановича что-то срочное, персонально для меня. Надеюсь, не охота на уголовников, а по профилю.

– Пропал один человек. Совсем пропал, – проговорил Сократ Иванович, добавив немного смущенным голосом: – Никаких концов.

– Этот человек... – начала я и тут же сделала выразительную паузу, давая Прохорову закончить.

– Конструктор, доктор технических наук. Разработчик технологий двойного назначения, – стараясь быть подчеркнуто невозмутимым, продолжил генерал. – То есть таких технологий, которые с одинаковой эффективностью могут использоваться как в мирных, так и в военных целях.

Я лишь усмехнулась. Сократ Иванович забыл, что у меня два высших образования. Одно, правда, незаконченное. М-да, моему генералу есть отчего впасть в смущение. Из-под носа у его могущественной конторы исчез оборонщик-секретоноситель. Фраза «никаких зацепок» означает, что их действительно нет. Наверняка подчиненные Сократа Ивановича уже обшарили всю квартиру секретоносителя, сняли все возможные отпечатки пальцев, исхитрились законсервировать и исследовать запахи, опросили всех-всех родственников, знакомых, любовниц, собутыльников. Проверили лиц из числа иностранцев, имеющих связи с разведслужбами, установили за ними контроль... И НИЧЕГО! Исчез человек, точно растворился в воздухе.

– Вечером ваш доктор наук вошел в свою квартиру, и с той поры о нем ни слуху ни духу, – кивнула я. – Это было двое суток назад?

– Ровно двое суток, – подтвердил Сократ Иванович.

За это время конструктор-секретоноситель мог оказаться где угодно. Я лишь морщусь.

– Если он вне пределов РФ, то вернуть его мне одной будет проблематично, – только и произнесла я.

– Ваша задача, Евгения Федоровна, найти след, направление, в котором мои сотрудники смогли бы работать дальше. Не более того.

– Я попробую, – произнесла я. – Секретоносители мне не безразличны. Оплата прежняя?

Сократ Иванович кивает. Затем осведомляется о моем самочувствии.

– Вы же видите, я на ногах! – отзываюсь с заметным раздражением. – Когда упаду – похороните за счет вашей конторы. Больше не спрашивайте меня на эту тему!

Генерал лишь вздыхает. Затем протягивает мне папку и диск с информацией о пропавшем секретоносителе.

– Я знаю, вы обычно работаете одна, – кивнув на папку, произносит Сократ Иванович. – Но здесь особый случай. Есть один человек, который смог бы оказать вам помощь. Он, правда, довольно-таки тяжел в общении, но другого помощника у меня для вас нет.

– Кто он? – интересуюсь я.

– Из армейской разведки. Спецназ ВДВ.

Я вторично морщусь и категорически качаю головой:

– Пожалуй, я обойдусь без помощников.

В самом деле, на кой ляд мне войсковой разведчик с мерзким характером?! Да еще из ВДВ?! Ведь не укрепрайон штурмовать собираемся?!

– Как знаете, – разводит руками генерал Прохоров. – Просьбы, пожелания?

– Есть одна просьба личного характера, – тут же отзываюсь я. – Мне нужна пони... Ну, такая маленькая лошадка, катающая детей.

Кажется, я не совсем правильно выразилась, пони – он, как, например, тигр, а не она. Поэтому правильно говорить – мне нужен пони. Однако Сократ Иванович не стал меня поправлять. Как и выяснять, для чего мне нужна такая маленькая лошадка.

– К какому числу? – уточнил он.

– Чем быстрее, тем лучше, – ответила я.

– Я вам позвоню, – кивает генерал, и я покидаю его кабинет.

Маленькая лошадка пони. Да, она нужна мне. Очень нужна. Может быть, даже больше, чем генералу Прохорову исчезнувший секретноноситель.

Уже покинув штаб-квартиру, в переулке я нос к носу столкнулась со вчерашним полнеющим очкариком. Он сделал вид, что не узнал меня, как этого и предписывала этика, свойственная офицерам спецслужбы.

Спустя пару часов я уже подходила к блочной многоэтажке, в одном из подъездов которой проживал доктор технических наук Павел Владимирович Шорников. Именно на ступенях подъезда номер четыре его видели последний раз двое суток назад.

Глава 2

Сократ Иванович предоставил мне полный отчет о работе следственно-поисковой группы по факту исчезновения Павла Шорникова. Человек приехал к себе домой, попрощался с водителем и телохранителем, зашел в подъезд и исчез с концами. Телохранитель после получил выговор за то, что не проводил Шорникова до дверей. Исчез секретноноситель в течение каких-то считанных минут, если не секунд. Судите сами – вошел в подъезд (3—7 секунд), нажал кнопку лифта и дождался его (от 3 до 20—40 секунд), поднялся на лифте на шестой этаж (4—8 секунд). И с этого мгновения исчез. Дверь квартиры не открывал (это подтвердили домашние), на связь с водителем и охраной не вышел. Специальный брелок, который оповещал охрану о внезапном нападении, не сработал, значит, был мгновенно отключен. И вот при таких данных контора Сократа Ивановича не может обнаружить ни малейшей зацепки. С телохранителя и водителя взяли подписку о невыезде и усиленно допрашивают их обоих. Мне же кажется, они ни при чем. Шорников не любил излишней опеки и не хотел, чтобы его домашние видели, что их мужа и сына охраняют. Видимо, во избежание лишних вопросов. Весьма логично. Что мы имеем еще? Да ничего. Запертый подвал и запертый чердак, что подтвердили техник-смотритель и участковый. Соседи, по первичным данным, вполне благонадежны, но это лишь по первичным, их продолжают проверять люди Прохорова. В двух других подъездах местная молодежь распивала энергетические коктейли и брэнчала на гитарах, в подъезде через один был переезд, выносили мебель. Последнее я отметила чисто интуитивно. В самом деле, был переезд, прохоровские розыскники уже давно уточнили, кто, когда и куда, в том числе какая фирма занималась перевозкой мебели. Что ж, пойдем по пути Павла Шорникова и его похитителей. Войдя в подъезд, я отметила отсутствие консьержа и наличие кодового замка. Вход в подвал со двора, и он был заперт, можно сейчас даже не проверять. А вот вход в чердачное помещение надо проверить. Когда я вошла в лифт, то с правой стороны обнаружила объявление, написанное крупными, каллиграфически выведенными буквами. Вошедшему в лифт надлежало прочитать и усвоить следующее:

Уважаемые лифтопользователи!
Убедительная просьба ко всем вам!
В лифте НЕ КУРИТЬ!
НЕ СОРИТЬ!
НЕ ССАТЬ!
(в случае невыполнения лифт будет отключен)

Жестоко, но справедливо! Ко всему прочему, неизвестный автор объявления придумал новое словечко – лифтопользователь. Обогастил русский язык, почти как господин Солженицын, придумавший глагол «угреться». Поднявшись на лифте на последний этаж, я обнаружила на чердачной двери огромный замочиче, еще советских времен. Потрогала пальцами – заперт. Для проверки на прочность рубанула по нему ребром ладони, не столь, конечно же, резко и концентрированно, как при перешибании огнеупорных кирпичей. Замок звякнул погремушкой и слетел с петель, причем вовсе не от силы моего удара. Дужка была подпилена ножовкой, но при этом хитрым образом, возможно с помощью специального клея, слеплена так, будто была целой. Таким образом, при первичном осмотре он выглядел вполне надежно. Замок существовал де-юре, но отсутствовал де-факто. На месте Сократа Ивановича я бы дала его подчиненным основательный нагоняй. С этого замка нужно снять отпечатки пальцев. И, по возможности, установить их владельца. Достав из кармана специальную «аптечку», я быстренько выполнила эту процедуру. Устанавливать владельцев отпечатков будет служба Сократа Ивановича, а я двигаюсь дальше. Неужели мне удалось взять след?! Пройдя чердачное помещение, я не обна-

ружила там ничего интересного. Я дошла до выхода в подъезд, из которого в день исчезновения Шорникова выносили вещи. Он был не заперт. Не торопясь с выводами, я вернулась в точку, откуда начала путь. Аккуратно вернула на место замок. Уже готова была вызвать лифт, как обратила внимание на коробку с бумажным мусором, которая стояла в конце коридора, ведущего к квартирам последнего этажа. Изучение мусора – одна из необходимых специфик моей профессии. Бумажный мусор несколько предпочтительней всего остального, так как не липнет и не пахнет. Можно предположить, что в день исчезновения коробка с мусором стояла рядом с лифтом, а потом кто-то из жильцов ее переставил? Почему бы и нет? В коробке лежало не так уж много смятых рваных бумажек, я быстренько рассовала их по карманам, и в это самое мгновение послышался шум поднимающегося на последний этаж лифта. Сталкиваясь с кем-либо мне не хотелось, и я юркнула точно в специально для меня предназначенный закуток. В нем находились ведра, тряпки и швабра. Он был темный. Выходя из лифта и идя по коридору, невозможно было разглядеть, есть там кто-либо или нет. Что ж, пережду здесь того, кто пришел, а потом спущусь на первый этаж. У меня теперь имелись отпечатки пальцев, бумажный мусор и кое-какая версия...

Из лифта вышли двое. Я хорошо их видела, они меня нет. Оба в спортивных костюмах, молчаливые, не торопящиеся проходить к квартирам. Поэтому совсем не похожие на жильцов. Мужчины огляделись вокруг. Затем тот, что постарше, молча кивнул второму на замок, по-прежнему висящий на чердачном входе. Тот, столь же молча, двумя пальцами взялся за замок, резким движением сорвал с петель. Оба, по-прежнему не произнося ни слова, многозначительно переглянулись. Дескать, трогал кто-то наш замочек, совсем недавно трогал. Затем мужчины почти одновременно достали из-под спортивных курток по пистолету Макарова. Ну вот вам и здрасьте! У меня при себе лишь газовик, а эти ребята явно имеют боевой опыт, по движениям видно. В случае серьезной перестрелки у меня шансов ноль... Некоторое время мужчины молча смотрят вверх, держа оружие наготове. Потом тот, что постарше, начинает разговор:

– Если она на чердаке, то нас там не слышно. Можешь говорить, только тихо.

– А ты уверен, что она вообще здесь? – негромко спросил второй.

– Слышал, что бабка у подъезда сказала? Рыжая девица в брюках зашла двадцать минут назад и не выходила?! На чердаке она...

Рыжая девица в брюках – это я. Сдала меня бабка и не поморщилась... А утром мне казалось, что я все-таки скорее блондинка, чем рыжая.

– Может, подняться? – спросил полусшепотом молодой, кивнув на чердачную дверь.

– Жить надоело? – зло отозвался первый. – Эта тварь если нас первой просечет, завалит в один миг.

Было бы из чего, точно так и поступила бы, первый не ошибается. Кто-то четко его проинформировал, мы с ним раньше не встречались.

– Она сюда вернется, – твердо пообещал первый. – Валим наглухо, хозяева между собой потом сами разберутся.

Спустись я с чердака чуть позже, еще неизвестно, как бы все сложилось. Я, конечно же, всегда чувствую, кто ждет меня этажом ниже, но раз на раз не приходится... Что делать дальше? Ждать? Мужики тоже подождут. Не исключено, что другие подъезды контролируются с улицы и мои киллеры находятся на связи с наблюдателями. С двумя вооруженными тренированными мужиками мне не совладать... И в этот самый момент послышался шум открываемого замка, и на площадку буквально вывалился кто-то тяжелый и часто дышащий. Оба моих киллера мгновенно исчезли с площадки, переместившись на нижний этаж. Теперь они не могли видеть, что происходило около лифта. А происходило следующее. Прямо ко мне в подсобку буквально влетел огромный, тяжело дышащий бультерьер. Он тащил за собой на поводке хозяина, немолодого худенького мужичка. Я вооружилась шваброй, стараясь при этом войти

в амплуа уборщицы верхних этажей. Бультерьер был настроен дружелюбно, вилял хвостом и тыкался своим огромным, черным, точно у белого медведя, носом мне в бедро.

– Извините, – оттаскивая пса и принимая меня за уборщицу, произнес хозяин.

Я ничего не ответила, лишний раз лучше себя не афишировать, а те, что внизу, пусть думают что угодно. Сюда они сейчас не сунутся, лишние трупы и схватка с бойцовой собакой им не нужны. Хозяин с бультерьером зашли в лифт, я ненавязчиво и молча, не выпуская из рук швабры и ведра, прошмыгнула за ними. И быстренько плечом нажала первый этаж. Владелец бультерьера и его пес не возражали... Мои киллеры вряд ли что-то успели сообразить. Мало ли перед кем извинился владелец собаки, а женского голоса они не слышали. Хотя мне и хотелось узнать имя столь дружелюбного бультерьера.

Спустившись вниз, мужчина с бультерьером отправился на прогулку, а я сделала вид, что собираюсь начать уборку. На самом деле я поднялась на второй этаж, где находилось окно, выходящее на противоположную от подъездов улицу. Быстренько превратила брюки в шорты, стянула волосы в конский хвостик на затылке, нацепила на нос солнцезащитные очки. Была рыжей в брюках, стала блондинкой в шортах. Затем распахнула окно и выпрыгнула на улицу.

Наблюдателя я вычислила быстро. Он был в единственном лице, сидел на скамейке так, чтобы было видно все пять подъездов, жрал мороженое и периодически общался с кем-то по мобильнику. На вид парень был довольно дебиловатым, нервно крутил шеей и сплевывал за скамейку в густые заросли. Мне ничего другого не оставалось, как обойти его с тыла и укрыться в этих самых зарослях, рискуя получить плевков на макушку. Впрочем, плевков не пуля.

– Нет ее, – донеслось до меня. – Никакой рыжей бабы в брюках. И без брюк тоже! Что я, дебил, по-твоему?!

Похож, но, видимо, не совсем.

– Баба какая-то толстая выходила, – продолжал наблюдатель. – Мужик с собакой, пацан какой-то... Ладно, до связи!

Кусты были густые, надежно могли скрыть не одну любовную парочку, пожалуй, целых три... Исходя из этого, я нанесла наблюдателю отключающий удар под ухо. Нажала на так называемую «кнопку-выключатель». Тот не успел и вскрикнуть, а я успела подхватить его падающее на асфальт тело и перетащить в кусты.

– Кто меня здесь пасет?

Это было первое, что услышал наблюдатель, не считающий себя дебилем, как только пришел в себя. А первое, что он почувствовал, был пистолетный ствол, упертый ему в правый глаз. Газовый шпалер вполне годился для таких целей.

– Я... наняли меня, – только и пробормотал наблюдатель.

Я чуть усилила давление на глаз. Наблюдатель попытался вскрикнуть, но я ткнула его пальцем под горло, и он закашлялся. У меня мало времени, информацию же надо получить во что бы то ни стало. В это самое время совсем некстати запиликал мобильник наблюдателя. Я вторично отрубила моего пленника и взяла телефон сама.

– Ты куда делся? – услышала я голос, очень похожий на голос одного из киллеров с последнего этажа. – Я тебя в окне не вижу.

В самом деле, на площадке последнего этажа есть окно, из которого вполне видна скамейка. А вот заросли видно не очень.

– Слушай, урод, – произнесла я, не придумав ничего другого. – Это та, кого вы ждете. Жить вам осталось двадцать секунд, если не хотите взорваться на хер, отвечайте, кто меня заказал!

– А чего нам взрываться? – спросил мой киллер, сохранив при этом спокойствие.

– А того, что площадка заминирована... И лифт!

Далее я кратко, но внятно объяснила моему киллеру, во что одет он и его напарник, чем они вооружены, где лежит сорванный ими замок.

– Убежать не успеете, все взорву немедленно, только кнопку нажму! Кто меня заказал?

– Ладно... – киллер отозвался быстро, видимо решив, что оба они под моим видеонаблюдением. – Нас ты, может, и взорвешь, но от других не уйдешь, уж поверь, сеструха... Какая бы ты крутая ни была.

Киллеры явно недооценили меня. Догадайся они прихватить с собой генератор помех, глушащий радиосигналы, а заодно бригаду саперов, сейчас у них было бы меньше волнений.

– Гадюка болотная твоя сеструха! Считаю до двух!

– Давай по-доброму! – поспешно залепетал киллер.

Похоже, его основательно запугали насчет меня и, таким образом, сыграли самим себе дурную службу.

– Тебя все равно убьют, – продолжил киллер. – Не мы, так другие. А заказало тебя твое начальство!

– Какое начальство? – спросила я, желая напомнить, что я нигде не служу.

– Сама знаешь, какое! Я подробностей не знаю, в лицо никого не видел, даже не пытай... разбирайтесь сами... Беги из Москвы, а если есть возможность, из страны... Лады, сестрица?

Жить мой киллер хочет. И, самое главное, прекрасно понимает, что я уничтожу его без всяких зазрений совести. Поэтому сейчас он говорит правду.

– Стойте на площадке десять минут! Я по радиосвязи отключу мины. Уйдете раньше, может произойти самоподрыв, – сообщила я и отключила связь.

О чем еще говорить?!

Стоять будут не менее двадцати минут. За это время я уже буду далеко.

Глава 3

Вернувшись на съемную квартиру, я сумела наконец перевести дух. «Твое начальство тебя заказало... Подробности не знаю, разбирайтесь сами... Сама знаешь, какое начальство...» Слова моего несостоявшегося киллера до сих пор стояли в ушах. Кто знал, куда я отправлюсь после получения задания?! Этого не знал даже Сократ Иванович. А вот догадываться мог! Так же, как могли об этом догадываться еще пара-другая посвященных офицеров спецслужбы... А вот где я снимаю очередную квартиру, я никому не докладываю, поэтому некоторое время могу считать себя в безопасности. На связь с генералом Прохоровым тоже не стоит торопиться, лучше для начала все хорошенько проанализировать и не включать до поры до времени собственный мобильник. Однако ничего путного в голову не шло. Одно ясно на все сто! Заказать меня мог кто угодно, но только не Сократ Иванович Прохоров. Он выдал мне полный расклад по похищению Шорникова, отправил на поиск, в путь-дорожку... А ведь вполне мог заманить на некий объект и там ликвидировать. Ведь я ему доверяла... Впрочем, доверяю и сейчас. Поэтому немедленно выйду с ним на связь! Или чуть погодить?! Меня заказал один из посвященных офицеров спецслужбы, который не хочет, чтобы я вышла на след Павла Шорникова. А я на него, по большому счету, так пока и не вышла. Сообщить об этом Прохорову, он проинформирует посвященный круг, у меня будет некоторая передышка... Нет, передышки не будет. Мой заказчик уже проинформирован, как я четко «сделала» его посланцев. Мой труп он жаждет лицезреть в самые ближайшие часы!

Что же делать?!

Не торопиться со звонком хотя бы минут двадцать...

Тут к голове и груди подкатила тяжесть. Вот оно, вернулось. Стоит только на миг расслабиться, и эта мерзость полностью овладевает мною. Я не хочу верить, что ЭТО случится сегодня и сейчас, и ОНО пока не случается. Одним рывком я поднимаюсь на ноги, бойцовая стойка, пара ударов по воздуху. Затем блокирую удары воображаемого противника. Вновь бью, на сей раз ногою в голову... Уф, немного отпустило! Нельзя, нельзя расслабляться! Пока ноги несут – вперед и с песней.

Полтора месяца назад, после очередного задания, я почувствовала заметное недомогание. Вроде ничего особенного, только слабость какая-то нехорошая, постоянная, ну, давление чуть выше нормы, и голову сдавливает точно тисками. Попросила генерала Прохорова устроить в госпиталь, проверить что к чему. Недельку там прообследовалась, а потом вдруг выписывают. Но не просто так, а с направлением в онкоцентр. И говорит мне бесцветным голосом флегматичный такой специалист, дескать, недолго вам, Евгения Федоровна, осталось ходить по земле этой грешной. Я поначалу не испугалась. Удивилась, а потом смирилась. В людей как-никак стрелять приходилось, пусть даже в очень плохих. А богу угодно, чтобы стреляли мужчины, а женщины дома сидели и детей рожали. Потому и решил прибрать меня... Через некоторое время злость и досада стали одолевать. Пошла в онкоцентр, там предложили повторное обследование, а я взяла и отказалась. Пусть забирает меня бог, раз ему так угодно. И, самое интересное, голову и грудь меньше сдавливать стало, и слабость уже с ног не так валила. Плевать на все, буду работать дальше. С тех пор я готова была хоть к самому черту в пасть. Прохоров и его зам полковник Губанов смотрели на меня как на чокнутую, задания тем не менее давали. Понимали, что велосипедист в седле, лишь пока крутит педали... А когда я была в онкоцентре, там со мной приключилась одна история. Я с медсестрой разговорилась, и та показала мне девочку лет пяти-шести. Беленькая, на меня в детстве похожая. Или так показалось мне, девочка та на ангела была похожа, а я ангелом никогда не была. Звали девочку необычно – Злата, и смотрела она на нас с медсестрой из-за толстого непроницаемого стекла. У нее был тот же диагноз, что у меня, только стадия была уже последней. За стеклом держали из-

за ослабленного иммунитета, боялись любой инфекции. В изоляторе пусто, на полу игрушки, на стенах детские картинки. И то и другое тщательно стерилизовано. Хотя чего теперь было бояться? Ко всему прочему, какие-то идиоты прямо при девочке стали обсуждать ее состояние, и Злата узнала, что жить ей осталось немного. Может, месяц, может, два. Идиоты думали, она глупенькая, не понимает. А она поняла. И перестала разговаривать.

– А можно мне с ней поговорить? – спросила я медсестру.

Та лишь пожала плечами. Дескать, теперь все можно!

– Здравствуй, Злата! – произнесла я в специальное переговорное устройство, так как стекло было слишком толстым.

Девочка молчала, но в ее карих глазах появился интерес. Тетенька без белого халата, незнакомая, а почему-то здороваётся и называет по имени.

– Вот послушай... – начала я. – Знаешь, Злата, кто такие великаны?

Девочка молча кивнула. Я поднесла к стеклу свою ладонь.

– А знаешь, какая ладонь у великана? – спросила я.

Девочка Злата вновь ничего не ответила, лишь пожала плечами.

– Ладонь у великана очень большая, – ответила на собственный вопрос я. – Больше этого коридора, – кивнула я за свою спину. – Поэтому на ладони великана помещаются и пастух с коровами, – я указала на соответствующую картинку, висящую на стенах Златиногo изолятора, – и мальчик с девочкой, – кивнула я на другую картинку, – и клоун с собачкой, – сделала я жест в сторону игрушек. – Вытянул великан ладонь, смотрит, любитесь. И вдруг подул страшный сильный ветер. Еще немного, унесет и клоуна, и его собачку, и мальчика с девочкой, и пастуха с коровами. Сжал великан свою ладонь и...

Я сделала паузу и отметила, что девочка приоткрыла рот, а глаза слово изнутри подсвечивали живым блеском.

– И чуть всех не раздавил! – заключила я. – А теперь скажи мне, что сделать великану, чтобы ветер всех не сдул, но при этом их не раздавить?

– Пусть он их в карман спрячет! – произнесла Злата. Тоже в переговорное устройство.

Стоявшая рядом со мной медсестра аж присвистнула. И ободряюще хлопнула по плечу.

– Правильно! – сказала я. – Сперва великан аккуратно накроет всех второй ладонью, – я показала, как он это делает, – а потом бережно спрячет в карман. Молодец, Злата!

Я вообще люблю сочинять всякие такие вот миниатюры, вроде сюжетов для мультфильмов. Про великана мне самой нравится. Такая идиллия на ладони, а тут то ветер, то сам невзначай всех раздавишь. Остается лишь в карман спрятать. И я тут же рассказываю Злате другую историю. Про двух мальчиков, один из которых сделал крылья и научился на них летать. А другой мальчик украл у него крылья, но взлететь на них не смог.

– Отдай, пожалуйста, мои крылья, зачем они тебе? – сказал первый мальчик второму.

А второй стал изворачиваться и врать, потому что он выбросил чужие крылья в глубокую реку. Первый мальчик сделал другие крылья, но взлететь уже не мог.

– Это потому, что его друг предал? – спросила Злата.

– Да, – кивнула я.

– И он никогда больше не взлетит?

– Я не знаю, – честно ответила я, поскольку финал к этой истории еще не придумала. – Но обещаю тебе подумать над этим. Когда к тебе можно будет прийти или позвонить? – указала я на мобильный телефон на Златиной кровати, тоже, видимо, тщательно стерилизованный.

– Никогда, – вдруг ответила Злата.

Ответила просто и буднично, без вызова и обиды в голосе. А ведь я совершенно случайно задела ее за самое больное.

– Меня скоро не будет, – пояснила мне Злата.

И опять без обиды, вообще без выражения.

– Знаешь, Злата, почему я здесь? – задала вопрос я.

– Почему? – спросила девочка, и в ее голосе вновь появился интерес.

– Потому что скоро я, как и ты, окажусь в волшебной прекрасной стране! Мы отправимся туда вместе, понимаешь?

Самое интересное, что сейчас я говорила чистую правду!

– В волшебной стране? – переспросила Злата.

– Конечно. Ведь ты сама сказала мне, что тебя скоро здесь не будет. Значит, ты будешь там, в самой красивой, самой доброй стране!

И тут меня понесло. Я стала рассказывать, какие в этой стране замечательные дома, горы, реки, облака. Как там никто никого не обижает, какие прекрасные животные бегают там прямо по улицам... Я так разошлась, что медсестра робко толкнула меня в плечо и молча показала на часы. Дескать, нельзя переутомлять ребенка.

– И в этой стране мы с тобой будем вместе! – закончила я и подмигнула Злате.

В ответ девочка продиктовала мне свой телефон, и я сказала, что буду регулярно звонить.

И вдруг Злата произнесла:

– Приведи мне лошадку!

– Какую лошадку? – переспросила я.

– Живую, – объяснила Злата.

Почти как в рассказе Куприна про девочку и слона. Не видела Злата ни разу живой лошадки. Ни разу...

– Я постараюсь! – кивнула я, переглянувшись с медсестрой.

– Ты не выдумала про волшебную страну? – произнесла Злата, видя, что я уже ухожу.

– Нет. Мы скоро окажемся там, и ты сама все увидишь!

Мы ТАМ окажемся. Скоро, совсем скоро... Тут я ни грамма не кривила душой.

– Как здорово у вас получилось! – произнесла медсестра, пока мы шли по коридору. – Разговорить сумели, она прямо ожила.

– Да перестаньте вы! – вдруг ни с того ни с сего осекла я девушку. – Просто людьми надо самим быть... И понимать!

С тех пор я в онкоцентре не была ни разу, но регулярно звонила Злате, рассказывала ей всякие истории, а сама обдумывала, где бы раздобыть пони и привести лошадку в клинику. Там все равно стекла толстые, неужели врачи запретят показать девочке живую лошадь?!

Двадцать минут все никак не пройдут. Слабость окончательно отступила, как только я вспомнила о Злате. Я не могу, не имею права оказаться в «волшебной стране» раньше нее. Кто тогда будет ей звонить, разговаривать?! Сейчас должен быть обход, позвоню девочке вечером... И тут я вспомнила про бумажный мусор, которым были забиты мои карманы! Я тут же разложила перед собой свою мусорную добычу. Бумажек немного, минут за десять-пятнадцать мне необходимо их изучить. Хоть это и вряд ли, но, может, удастся отыскать хоть какую-то зацепку за Шорникова?! Какие-то рецепты, чек из супермаркета, список, в котором одни продукты... Это отбрасываем в сторону, вряд ли пригодится. Изорванная открытка с крокодилом Генной, поздравление к 8 Марта. Так, а вот занятная бумаженция, почти целая. Почитаем. Итак: «Объяснительная студента Л... (вырвано безвозвратно). По поводу нарушения вечернего режима сообщаю следующее. В 20—00 ко мне в общежитие пришла любимая девушка Ира С., чтобы поиграть в шахматы. Мы знали, что гости могут оставаться в общежитии только до 23—00, но на 14-м ходу нашей партии Ира применила гамбит Фалькбеера и съела моего ферзя. Я был вынужден занять глухую оборону и отыгаться батареей „слон плюс ладья“, заманивая таким образом Ириного короля в угол. Здесь Ира совершила ошибку и попала на мат Легалья. Все вышеперечисленные маневры значительно затянули партию, и мы потеряли счет времени, хотя на часах уже было 00-2...» Дальнейшие строчки и подпись опять же были

безвозвратно вырваны, но вряд ли сообщили бы что-то сверх того, что я прочитала. Передо мной не что иное, как некий шедевр студенческого фольклора, который можно сохранить для какого-нибудь юмористического сборника. «Занятия по истории религии прогуляли, бес попутал», – объяснительная из моей студенческой юности, из той же оперы. Гамбит Фалькбеера звучит не менее круто, чем хроническое хромосомное харакири...

Впрочем, я отвлеклась. Итак, что мы имеем? Шедевр изящной словесности студента Л., крокодил Гена, как символ женского дня, рецепт, чек и список продуктов. Считаю, даром в мусоре копалась. Ну-ка, взглянем еще раз на список продуктов. Грибы (опята или маслята), соевый кетчуп, булочки, круассаны с вишней, вода «Сенежская»... Напротив некоторых примерные цены. А вот что здесь в конце – П.Ш. в 20—00, звонить – (далее был многозначный мобильный номер, слава богу, написанный достаточно внятыми цифрами).

Итак – П.Ш.

Это может быть ПЛАТЯНОЙ ШКАФ. Или полковничья шинель.

Или Павел Шорников?!

А ведь исчез Павел Владимирович именно вечером, около восьми – восьми тридцати... Я ухватила кончик?! В этом случае нужно звонить по указанному ниже телефону. Но что говорить?! В таких случаях лучше долго не раздумывать, а действовать по обстановке. Но при этом узнать, знают ли владельцы номера Павла Шорникова. На мой звонок почти сразу отозвался приятный женский голос.

– Простите, Павел сейчас далеко? – спросила я женщину.

– Какой Павел? – как и следовало ожидать, отозвалась женщина.

– Павел, с которым позавчера была назначена встреча на восемь ноль-ноль, – ответила я, не торопясь произносить фамилию.

– А вы кто? – вежливо поинтересовалась женщина, выждав короткую паузу.

Надо же, меня не послали, не объяснили, что номер надо набирать более тщательно, одним словом, продолжили беседу. Теперь моя задача была максимально затянуть ее.

– Помните гамбит Фалькбеера? – спросила я, вспомнив шахматный термин из объяснительной студента Л.

– Как вы сказали? – переспросила женщина, и тут я отметила, что у нее имеется акцент, похожий на прибалтийский.

– Ну как же вы могли забыть?! – изумилась я. – Ну, помните, когда мы на прошлой неделе встречались все вместе?!

– Мы встречались с вами? – прибалтийский акцент обозначился уже весьма заметно, при этом невидимая собеседница отнюдь не была удивлена моим звонком.

Выходит, что-то подобное ждала? Я, конечно, сейчас сильно рисковала. Не исключено, что невидимая женщина только что подала сигнал парочке невидимых мужчин, и через некоторое время они примчатся сюда, ко мне, вычислив местонахождение моего мобильного. Однако прерывать столь хорошо налаженную связь мне не хотелось. Три минуты у меня есть в любом случае, в Москве сейчас пробки... Смотреть удочки успею, Бог не выдаст, кабан не съест.

– Конечно, встречались, – ответила я. – Вас ведь зовут Марина?

Я назвала первое пришедшее в голову распространенное женское имя. И ошиблась.

– Нет, я Ольга, – произнесла в ответ женщина и тут же, как ни в чем не бывало, добавила: – А Марина убита!

Вот так. В голосе при этом ни малейшего выражения. Ни горести, ни недоумения, ни скрытого торжества. Убита неизвестная мне Марина, и хрен с ней.

– Когда? – спросила я таким же будничным, констатирующим факт тоном.

– Еще до Павла, – ответила Ольга.

– И Павел тоже?! – не сбавляя темпа, поинтересовалась я.

– Конечно, – еще более буднично подтвердила Ольга.

Кажется, эта Ольга – оперативный дежурный синдиката киллеров. При этом без всякого стеснения дает справки. Причем первому встречному.

– Видите ли, Ольга, – собравшись с мыслями, начала я, – если речь идет о Павле Шорникове...

– Простите, девушка, но его фамилия мне неизвестна. Знаю лишь, что он Павел, какой-то инженер. И его больше нет.

– Это случилось очень не вовремя, – только и произнесла я, окончательно удостоверившись, что речь идет о разыскиваемом мною Павле Владимировиче.

– Подождите полторы недели, – сказала Ольга, опять же как о чем-то само собой разумеющемся.

– Вот ждать я как раз и не могу! – вновь пошла в наступление я.

– А что вы хотите от меня?

В самом деле?! Попросить эту дамочку воскресить Павла, а заодно неизвестную мне несчастную Марину?

– Вы так в открытую говорите о таких вещах... – проговорила я, не в силах придумать что-то другое.

– Сегодня попытаются убить меня, – заявила Ольга, не меняя тона, но убрав каким-то образом акцент.

– Может быть, вам нужна помощь? – робко поинтересовалась я.

Эта Ольга просто-таки стальная леди. Интересно, как она выглядит? Эдакая женщина-терминатор?!

– Зачем? – в голосе Ольги появилось недоумение.

– Вы хотите умереть? – вопросом на вопрос отозвалась я.

– Нет, – не задумываясь, но опять же очень буднично ответила женщина.

Все-таки не терминатор и не камикадзе.

– Тогда я сейчас к вам подъеду, – решительно произнесла я. – Говорите адрес!

– Хорошо, записывайте! – почти без паузы согласилась та.

Такого не бывало даже в плохих боевиках. Ну уж слишком все, что называется, в лоб. Тем не менее интуиция подсказывала мне, что встретиться с этой словоохотливой Ольгой мне просто необходимо. Жила она, к слову сказать, на другом конце города от Шорникова. Пока я добиралась до ее дома, еще раз прокрутила в голове намечающуюся версию. Похитители знали, во сколько Павел Шорников возвращается домой, знали, что охранник никогда не провожает его до квартиры. Двое крепких тренированных ребят перехватывают Шорникова у лифта, отключают его профессиональными ударами или с помощью шприца, затем перетаскивают на чердак. С чердака переправляют в подъезд, из которого грузят вещи. Там уже припасен шкаф, в котором очень удобно располагается тело секретоносителя, который был среднего роста и телосложения... Таким образом, секретоносителя вынесли в чреве шкафа из соседнего подъезда. На глазах у водителя и охранника. Вынесли, не привлекая внимания, под прикрытием какого-нибудь высокого автобуса занесли за угол и погрузили в собственный автомобиль. С этим все. Следующий вопрос – кто похитители? Или, по словам этой Ольги, возможные убийцы? Нет, скорее все-таки похитители, убить Шорникова можно было в подъезде, в лифте... Зачем потом куда-то тащить труп? Итак – похитители! Это не иностранные шпионы. Это кто-то из наших, причем имеющих своего человека в спецслужбе... Так, вот эта улица, вот этот дом. Теперь дело за барышней.

– Меня зовут Евгения Федоровна. Можно без отчества, – отрекомендовалась я женщине, отметив, что Ольга если и старше меня, то ненамного.

– Можно какой-нибудь документ? – любопытствовала Ольга.

Как ни в чем не бывало протягиваю ей ксиву прикрытия, пропуск, в котором я значусь старшим специалистом объединения «РОСС-МОСС». Что это за объединение, понятия не имею, Ольга тоже, как и все остальное население земного шара.

– А ваши можно? – спросила я, как только Ольга вернула мне документ.

Та протянула мне паспорт. Ластерлайнен Ольга Леонидовна. Фамилия финская, замысловатая, отсюда и едва заметный акцент. На пару лет старше меня... Сверив паспортную фотографию с оригиналом, я улыбнулась и вернула паспорт Ольге. Ольга Ластерлайнен оказалась молодой женщиной с типичной для представительниц финского племени внешностью – блондинка с бело-розовой кожей, со светлыми бровями и маленькими светлыми глазами. Немного оплывшая, но не потерявшая изящества фигура. Ухоженные руки, ухоженная шея, ухоженные плечи, прикрытые полупрозрачной тканью домашнего свитера.

– Значит, вас должны убить? – сразу перешла к делу я, усаживаясь в предложенное Ольгой кресло.

– А вас нет? – со сдержанным удивлением вскинула светлые брови та.

– Полтора часа назад в том же месте, где исчез Павел, – честно ответила я.

– Не может быть, – передернула бровями Ольга, без всякого удивления, но с выражением непонимания.

– Почему?

– Убивать нужно в разных местах, – ответила Ольга.

Мне бешено захотелось пить. Я пытаюсь что-то выяснить, Ольга в свою очередь предельно откровенна, при этом все становится только непонятней и непонятней. Я попросила Ольгу налить мне минеральной воды.

– Ольга, вы вот так спокойно пустили меня в свою квартиру, – отхлебнув из узорчатого стаканчика, продолжила я, – спокойно говорите о таких вещах... Никаких опасений не испытываете?

– Раз вы в курсе, мне нечего опасаться, – как ни в чем не бывало ответила женщина.

Нет, я точно отдаляюсь от истины все дальше и дальше... Или Ольга сумасшедшая?! По виду не скажешь. Обстановка и книжные стеллажи говорили о том, что Ольга является женщиной разносторонних интересов. Читает и классику, и исторические книги, и Маринину с Поляковой.

– А если я убью вас? – отставляя в сторону стаканчик, напрямую спросила я.

И посмотрела Ольге в ее светлые глазки, маленькие, ненакрашенные, почти бесцветные. Никакого выражения, ледяное финское спокойствие.

– Убивать меня вы не будете! Это против правил! – после небольшой паузы Ольга всплеснула-таки красивыми, чуть полными, ухоженными руками.

– Убивать людей вообще против правил, вы не находите?

– Не понимаю вас!

Час от часу не легче. Дамочка не понимает. Самое смешное, по ее виду не скажешь, что она сама способна кого-то не то что убить, а даже ударить. Разве что надоедливую муху?

– Где Шорников?! – я решила резко сменить амплуа.

Чуть приподнялась в кресле, положила правую руку на холеное запястье невозмутимой финки. Шутки для меня и для Ольги закончились.

– Что вы грубите? – Ольга была заметно удивлена сменой моего настроения, попыталась вырвать руку, но я не дала ей этого сделать.

– У вас тут людей одного за другим убивают, а ты... – я перешла с Ольгой на «ты», но что говорить дальше, не знала.

Поэтому неотрывно смотрела в ее округлившиеся маленькие глаза, которые забегали по сторонам с заметным испугом.

– Вы что, серьезно? – только и выговорила Ольга, вторично попытавшись освободить руку.

– Где труп Павла? – с этими словами я притянула Ольгу к себе, второй рукой достав пистолет.

Женщина тоненько ойкнула. Коротенькие брови поползли вверх, глаза округлились еще сильнее, но больше не стали.

– Какой труп?! – пробормотала она. – Через полторы недели увидите своего Павла! Отпустите мою руку!

Я ослабила хватку, Ольга вырвалась и отступила от меня на полшага.

– Значит, Павел Шорников жив?! – спросила я.

– Конечно. А вы что... всерьез приняли все мои слова?! Игра закончится, и он вернется... Вы же должны быть в курсе?!

«А как же иначе, корова ты белесая!» – мысленно произнесла я. Сама же в ответ лишь молча передернула лицом. Вот и прояснилось. Выходит, этот «секретоноситель» играл в какую-то идиотскую игру?! А его охрана ни сном ни духом об этом не догадывалась?! Да, сейчас в моде всякие ролевые игры, всякий флэш-моб, вечеринки в духе «пиров Вальтасара и ночей со Сталиным»...

– И каковы правила этой вашей игры? – спросила я примирительным тоном.

– А у вас пистолет настоящий? – вопросом на вопрос отозвалась Ольга.

– Это не важно, – убирая оружие, махнула рукой я. – Ну так...

– Вы, наверное, жена Павла? – осведомилась женщина. – Или... Ой, извините... Подруга?

– Подруга, – кивнула я. – Говорите правила игры и где теперь искать Павла, он срочно мне нужен.

– Восемь человек, в том числе я и Павел, играем в наемных убийц. Каждый из нас получает заказ, и каждый при этом заказан сам. Друг с другом мы не знакомы, но имеем фотографию заказанного и его адрес. Наша задача его выследить и ликвидировать.

– Как ликвидировать?

– Из пистолета с краской.

– Вы выслеживали Павла?

– Да, но я делала это слишком долго, и руководитель игры лишил меня возможности убить Павла. Он сказал, что задача усложняется, я должна похитить его. А убить лишь после похищения. Игра, дескать, усложняется, причем по моей вине. Я ответила, что не знаю, как это сделать, тогда он сказал, что сам похитит Павла, а мне вместо него заказал Кирилла... В свою очередь я тоже кому-то заказана, но меня пока еще никто не выслеживал и никто не покушался. Вот жду со дня на день... Кстати говоря, заговаривать и входить в доверие к жертве по условиям игры запрещено.

– А кто Руководитель игры?

– Не знаю. Мобильный у него все время меняется... Себя он именует Графом. Носит бороду и темные очки.

Чертовщина какая-то. Однако Ольга говорит правду, в этом я не сомневаюсь. Выяснять дальше?

– Ольга, а зачем вам это было надо? Игра какая-то дурацкая, для пацанов? – спросила я.

– Чтобы скучно не было...

В самом деле! Эта Ольга – одинокая, скучающая барышня. Маринина с Поляковой надоели, захотелось самой поучаствовать в чем-нибудь эдаком... Но как на эту удочку мог попасться секретоноситель Шорников?! Впрочем, теперь это не мое дело. Я практически нашла Шорникова, точнее, нашла нить, за которую можно вытянуть все остальное. А это уже дело генерала Прохорова и его подчиненных. Пусть допрашивают эту Ольгу, ищут Графа, Кирилла, «убитую» Марину. А также пусть Сократ Иванович выяснит, кто заказал меня и кто

из его коллег столь не заинтересован в успешном раскрытии исчезновения Павла Шорникова. Я же, как только сообщу все это генералу, буду совершенно свободна.

– Оля, все это на самом деле несколько серьезней, чем вы предполагаете, – произнесла я довольно-таки банальную фразу.

– А вы...

– Я из ФСБ, – кивнула я, предвосхитив ее вопрос. – Подождите, я сейчас...

Достав мобильник, я набрала телефон Прохорова. Личный номер генерала не отвечал. Тогда я набрала дежурный телефон штаб-квартиры. Мне ответил голос полковника Губанова, первого заместителя Сократа Ивановича, одного из немногих сотрудников спецслужбы, знавших меня в лицо и посвященных в наши совместные с генералом Прохоровым дела.

– Евгения, где вы? Немедленно приезжайте к нам!

Голос у полковника взволнованный, такой у опытных спецслужбистов бывает лишь в крайних ситуациях типа «Норд-Оста».

– Где Сократ Иванович?

– Он погиб... Два часа назад взорвался в собственной машине.

Глава 4

Не прошло и часа, как я была в штаб-квартире. В кабинете генерала Прохорова, помимо меня, было еще трое. Полковник Губанов, майор Кириков и старший лейтенант Пирогов, тот самый полнеющий очкарик. Все трое были теми немногими посвященными, которые работали непосредственно со мной, кроме Сократа Ивановича. Существовало еще два офицера, но один сейчас находился в госпитале, другой недавно погиб. Таким образом, о моем существовании и выполняемых мною задачах знали в подробностях лишь эти трое.

– Сел в личную машину, хотел на обед съездить домой... – Губанов смотрел на меня, но так, точно я была прозрачным стеклом, а он смотрел сквозь него. – Два квартала проехал – взрыв. По счастью, никто из посторонних граждан не пострадал.

Некоторое время сидим молча. Можно сказать, чтим память, хотя ее полагается чтить стоя.

– Евгения, вы начали работать по направлению, которое дал вам генерал? – нарушил затянувшуюся паузу Кириков.

Майор Кириков среднего роста, коренастый крепыш, возрастом ближе к сорока. В прошлом служил в погранвойсках на таджикско-афганской границе, я называю его Пограничником. У него короткая армейская стрижка и выправка строевого офицера. Он, как мне кажется, немного недолюбливает меня, я плачу ему той же монетой.

– Разумеется, – отвечаю я, еще не зная, стоит ли рассказывать обо всех подробностях, про Ольгу и дурацкую игру, в которую якобы играл Павел Шорников.

– Доложите о результатах. – Пограничник строг по-казарменному.

– Я не в армии, вы не старшина, – ставлю я на место Кирикова весьма нелюбезным тоном.

– Не надо так, Евгения Федоровна, – голосом арбитра встречает в беседу полковник Губанов. – Считаете нужным что-то сообщить нам – сообщите, не считаете – не сообщайте.

Губанов знает меня не первый год. И знает, что казарменный тон не для меня... И тут я решаю вызвать огонь на себя! Пусть знают про Ольгу и про то, что я сейчас немедленно отправляюсь к ней.

– Может быть, вам нужна дополнительная охрана? – выслушав мою историю, спросил очкарик Пирогов.

– А вы считаете, что Ольге что-то угрожает? – спрашиваю я.

В ответ Пирогов лишь неопределенно качает головой, затем переводит взгляд на полковника. Антон Пирогов, скорее всего, какой-нибудь генеральский или полковничий сынок, недавно окончивший академию ФСБ. Однако то, что Сократ Иванович решил свести меня с ним напрямую, говорит о том, что этот Пирогов чего-то стоит. И тогда на пустыре Антон вел себя вполне достойно, вовремя ушел с огневой линии и даже сам в воздух пальнул. Его я буду называть топ-менеджер.

– Ладно, Евгения, действуйте, как считаете нужным, – подводит итог Губанов. – Как только доедете до Ольги, свяжитесь со мной.

Огонь вызван. Теперь надо его дожидаться и не упустить того, кто этот огонь будет вести. Главное, чтобы не пострадала Ольга. Как ни странно, эта пышнобедрая белесая дама была мне чем-то симпатична. И сейчас нужно во что бы то ни стало опередить тех, кто скорее всего уже получил указание выехать по Ольгиному адресу.

На всякий случай я позвонила Ольге, как только покинула штаб-квартиру:

– Ольга, я сейчас к вам приеду! Не открывайте никому дверь до моего прихода!

– Хорошо, – с финским спокойствием отозвалась та.

– И еще – оставьте открытой балконную дверь. Так надо!

На всякий случай всегда надо иметь запасные входы, они же выходы.

До Ольгиного дома я добралась ровно за двадцать пять минут, быстрее никак не получилось. Метро не самый быстрый вид транспорта, зато в подземных тоннелях нет пробок. У подъезда пара традиционных бабушек. Вежливо поздоровавшись, ненавязчиво интересуюсь, не заходили ли в подъезд двое молодых, спортивных мужчин... Двое не заходили, а вот четверо появились. Десять минут назад, и обратно еще не выходили. Стоп! Может, конечно, они и не к Ольге, но все равно придется пробираться в квартиру через балкон. Возможно, я слишком переоценила себя и недооценила противников?! Ведь я даже не знаю, кто они! Отдать им на съедение Ольгу? Придется заходить в ее квартиру через балкон. По счастью, та жила на предпоследнем этаже, поэтому я прошла в чердачное помещение, оттуда на крышу. Минимальное альпинистское снаряжение всегда находилось со мной, поскольку никогда не знаешь, куда или, наоборот, откуда придется выбираться. Снаряжение представляло собой длинную тонкую веревку, способную выдержать свыше двухсот килограммов. На конце веревки небольшой, чуть побольше рыболовного, крючок-кошка. Плюс специальные подошвы, которые я закрепила прямо на кроссовки. Остается зацепить крючок-кошку за крышное ограждение – и в путь! По стене, держась за веревку, уперевшись кроссовками в панельную вертикаль.

До балкона Ольгиной квартиры веревки хватило, метра два еще осталось болтаться. Перепрыгнув со стены на балкон, я тут же пригнулась, чтобы меня не было видно из комнаты. Дверь приоткрыта (успела-таки Ольга, зря говорят про медлительность финок!), поэтому мне осталось лишь наострить ушки и услышать следующий разговор:

– Если она позвонит, ни в коем случае не говорите, что мы здесь.

Это мужской голос. Незнакомый, властный, лишенный вежливых интонаций. Это старший четверки гоп-стоп-менеджеров, пожаловавших в гости к Ольге.

– Вы мне даже документы не показали, – отозвался обиженный голос Ольги.

Слава богу, жива! И пока что цела...

– У нас мало времени, документы мы оставили на службе, я вам уже объяснял, – продолжил мужской голос.

– Но она совсем не собиралась меня убивать! – в свою очередь продолжила Ольга.

Значит, они сказали ей, что я убийца, а они доблестные сотрудники МВД или ФСБ, приехавшие спасти госпожу Ластерлайн.

– Эй, ты не отвлекайся там, а лучше в окно смотри! – распорядился властный.

Адресовано это было не Ольге, а кому-то из его подчиненных. На мою удачу, когда я подходила к подъезду и беседовала с бабушками, наблюдатель отвлекся в первый раз.

– И из занавески не высовывайся! – добавил другой голос, на сей раз знакомый.

Кажется, это мой утренний несостоявшийся киллер. Нет, не кажется, точно он. После недавних событий ему не следовало попадаться мне второй раз. Хотя он разговорчив, и если удастся взять его живым... Тут бы самой уцелеть и Ольгу спасти! Расчет очень прост – Ольга жива и невредима до тех пор, пока не появлюсь я. Она должна открыть дверь ипустить меня в квартиру. Далее нас обоих настигнут пулями, как Бонни и Клайда из одноименного фильма. Канонады, как в фильме, не будет, так как оружие снабжено глушителями, просто раздастся несколько хлопков, точно открывается сразу много бутылок шампанского... Впрочем, у меня в руках сейчас тоже не газовый шпалер, оружие я успела сменить. На сей раз на новенький бесшумный ПСС. И еще на моей стороне внезапность. Их четверо. Один за шторой, у окна, выходящего на подъезд. Пистолет у него не в руках, а в кобуре, через окно он стрелять не будет. Второй, с готовым к бою пистолетом, находится у дверей. Из комнаты, в которой я секунд через десять окажусь, его видно, но он может успеть отпрыгнуть и укрыться в соседней комнате. Третий (это скорее всего мой утренний знакомец) прохаживается из коридора в комнату,

также держа оружие наготове. Главарь сидит в комнате с Ольгой, хамит ей, но свое оружие, скорее всего, не достает, держит в кобуре. В специализированном тире я отстреливала четыре движущиеся ближние мишени за две – две с половиной секунды... Слышится взволнованный голос Ольги:

– Я хочу позвонить вашему руководству на Петровку, 38.

Значит, эти головорезы назвались операми из МУРа.

– Не трогай телефон!

Далее Ольга вскрикнула. Видимо, ее протянутая к трубке рука окончательно вывела главаря из себя. Для меня же это послужило окончательным сигналом к действию. Распахивать дверь и влетать в комнату на манер героев киномоевиков я не стала, а поступила куда скромнее. Устроившись в удобной для ведения стрельбы лежащей позе, я лишь слегка приоткрыла дверь. Поначалу никто ничего не сообразил, так как петли у финской аккуратистки были смазаны и не скрипели. Главарь занес руку для второго удара пытавшейся сопротивляться Ольге. Меня он увидеть не успел и получил свою пулю первым. Второй успел направить в мою сторону руку с пистолетом, но выстрелить не успел. Третьим выстрелом я уложила того, что стоял у окна, за шторами, он начал было выхватывать свой пистолет...

– Ольга, на пол! – командовала я, не торопясь подниматься в полный рост.

Женщина тоненько взвизгнула, но команду выполнила быстро, что ее и спасло. Тот, что был у дверей, открыл беспорядочный огонь из автомата. Тьфу ты черт, этого я не предусмотрела, думала, что на Евгению Федоровну охотятся исключительно с пистолетами. На меня посыпались оконные стекла. Четвертый бил вслепую и поверху. Я мысленно отсчитывала, когда он израсходует боекомплект и вынужден будет перезарядить оружие. Вот, стрельба смолкла, на перезарядку уходит секунда-полторы, иногда чуть больше. Принимать следующую порцию стекла, штукатурки, а тем более свинца я не собираюсь, поэтому встаю в полный рост и одним прыжком оказываюсь в коридоре. Автоматчик уже перезарядил оружие, ствол направлен мне в грудь, но я успеваю опередить его на считанные доли секунды...

– Оля, у нас мало времени!

Мне жаль пышнотелую блондинку, но чтобы привести ее в чувство, приходится со всего размаха хлестнуть ее по пухлой щеке. Ольга вновь взвизгивает, но при этом выходит из ступора.

– Возьми документы и вещи первой необходимости! – продолжаю командовать я. – Мы немедленно уезжаем!

– К-куда? – спрашивает Ольга.

– Далеко! Быстро делай, что говорю, если жить хочешь!

На мое счастье, Ольга быстро повинуется. Жить она и в самом деле хочет. Пока она собирает документы, я обыскиваю тела. Во втором, том, который успел направить на меня ствол, но не успел выстрелить, я окончательно узнаю утреннего знакомого. Когда я прикасаюсь к нему, он стонет и открывает глаза. Силится что-то произнести.

– Так кто все-таки меня заказал? – спрашиваю я, одновременно упирая в бледное лицо ствол своего ПСС и включая встроенную в мобильник видеокамеру.

– Начальник, – произносит тот. – Президент ЧОПа¹ «Парадигма».

Знаю, знаю эту «Парадигму». Откровенно мафиозная контора для прощтрафившихся ментов и гэбистов. Совершает опер преступление, так вместо заведения уголовного дела его увольняют из органов, но при этом держат на крючке. Поэтому путь у него один – в эту «Парадигму», которая зачастую готова выполнить самую грязную работу. Ее президент – сам из бывших ментов-взяточников. Раньше «Парадигма» называлась «Панацеей», вроде как зани-

¹ ЧОП – частное охрannое предприятие.

мались борьбой с патологиями, только не медицинскими, а социальными. А переименовались уже после пары громких уголовных дел против ее сотрудников. Впрочем, ни одно из них до суда так и не дошло.

– Ты сам оттуда, из ЧОПа?

Раненый вяло кивает. Я убираю пистолет, достаю аптечку, кидаю ему бинт и обезболивающее.

– Это все, – говорю я. – Выживешь, твое счастье. Нет... считай, и моей вины нет... Все, уходим!

Это я произношу Ольге. Она не заставляет себя ждать. Когда она уже покинула квартиру, я, стоя у дверей, бросила последний взгляд на не слишком успешно пытавшегося перебинтовать себя чоповца. Он теряет силы с каждой секундой, под ним уже привычных размеров бурое пятно, сказывается сильная кровопотеря. «Скорую» ему не вызвать, как ни прискорбно, но телефоны я ликвидировала. Потому что, помимо «Скорой», он может позвонить и еще кое-куда...

– Ты бывший мент? – спрашиваю я на прощание.

Тот кивает, продолжая неумелые действия по собственному спасению. Что ж, враг установлен – частное охранное предприятие «Парадигма». Не прощаясь, захопываю дверь. Перед тем как окончательно покинуть место боевых действий, мне приходится вернуться на крышу, забрать оставленную там сумку и альпснаряжение.

– Евгения, мне кажется, нам лучше обратиться в милицию.

Ольга произносит это с вновь появившимся акцентом, но смотрит на меня все с тем же бесстрастным северным выражением. Я уже отметила, что она не истеричка, а визжит лишь в тех случаях, когда визжать положено. Ей кажется! В милиции начнутся вопросы: кто, где, откуда?! Расшифровываться перед МВД я не имею права, в моем «контракте» такого пункта нет, но была устная договоренность. И потом, что милиция?! Меня для начала посадят в камеру, а потом те, кто на меня охотится, возьмут меня там, точно волчицу, угодившую в волчью яму. Ольге в двух словах этого не объяснишь...

– Оля, вам придется пожить у меня, на съемной квартире, – произношу я. – Не более двух суток... Так уж получилось.

Я снова перешла с ней на «вы». Общаюсь с ней как с давней любимой подругой. Ольга успокаивается и готова следовать за мной. Мы только что вышли из частной машины, пойманной мною в Ольгином районе, и теперь, переулками, двигались к дому, где я снимала квартиру. Этого адреса не знал никто.

Глава 5

– Граф среди них был?

– Н-нет...

– Другие знакомые?

Ольга отрицательно замотала головой. Мы сидели в единственной комнате моей съемной квартиры, и я отпаивала Ольгу кофе с коньяком. Ко всему прочему, мы окончательно перешли на «ты». В том, что на нас открыл сезон охоты некто из спецслужбы покойного генерала Прохорова, у меня не было ни малейших сомнений. Но кто? Полковник Губанов? Топ-менеджер Пирогов? Пограничник? Или я его вычислю, или следующий рейд «менеджеров по зачистке территории» будет куда более успешным. Между тем Ольга изложила мне подробную историю своего участия в «игре», организованной Графом. Одним словом, жила себе скучающая молодая барышня Оля Ластерлайнен, у которой, кроме идущей с переменным успехом борьбы с лишним весом, иных проблем не было. Вот надоело ей скучать, и нашла она в Интернете следующее объявление: «Почувствуйте себя наемным убийцей и его жертвой одновременно! Охота на человека в реальном времени и не на экране компьютера! Сторонники „зеленых“ и прочие гуманисты могут не напрягаться – за время игры не пострадало и не пострадает ни одно животное, не говоря о людях! Все, кто хочет испытать острые ощущения, охотничий азарт – звоните по следующему телефону...» С началом игры, к слову сказать, Граф телефон поменял.

Он лично инструктировал участников игры, которые не должны были быть знакомы друг с другом. Каждый получал на кого-то заказ, должен был выследить его и ликвидировать – расстрелять из специального пистолета красной жидкостью. После «ликвидации» жертва должна была в течение двух недель нигде не показываться, добросовестно изображать труп, сидя под домашним арестом. Ольга ничего не знала о других участниках игры, лишь краем уха слышала, что до нее «расстреляли» какую-то Марину, а после похищения Шорникова ей заказали Кирилла, преуспевающего менеджера и спортсмена. Ольга показала мне его фотографию. Типичный офисный мальчик, некоторым такие кажутся красивыми, по мне, внешность более чем банальная. Граф постоянно сам звонил Ольге с мобильного, номер которого не определялся, интересовался, не наскучила ли ей игра, желал удачи, одним словом, произносил дежурный набор банальностей.

– Значит, тебе был заказан Павел Шорников, и ты знала о нем, что он работает каким-то инженером? – в очередной раз уточнила я.

– Да, Граф показал мне его фотографию и дал адрес. Мне нужно было выследить его, подготовить «ликвидацию», но перед стрельбой доложить обо всем Графу.

Вот и прояснилось! Ни в какой игре Павел Владимирович не участвовал. Но вот то, что выслеживать его Граф поручил совершенно ничего в этом не смыслящей блондинке...

– Оля, а почему на магазинном чеке оказался твой телефон?

– Я выслеживала Павла не одна, а со своей подружкой. Сходила в магазин за продуктами, а на чеке оставила подружке свой новый номер. А также записала, во сколько Павел возвращается домой.

– И как же вы его выслеживали?

– Моя подружка каждый день прогуливалась около его подъезда со своей собакой. У нее китайский шарпей, складчатый такой милашка... Иногда прогуливались вместе, болтали о всякой ерунде.

Теперь понятно, почему лажанулась шорниковская охрана. Кто заподозрит двух полнеющих блондинок, прогуливающихся у подъезда, да еще и с китайским шарпеем. Вот меня в свое время учили, что обращать внимание нужно на всех и вся... А тут... Охранник если и посмотрел куда, то сперва на складчатую морду шарпея, потом на толстые задницы блондинок. И все!

Не знаю, как у подруги, а у Ольги есть на что полюбоваться... А Граф, надо признать, сработал классно, и при этом очень нестандартно! В самом деле, чем посылать рисковать своих проверенных ребят, он использовал абсолютную непрофессионалку Ольгу. И сработала Оля лучше любых виртуозов наружного наблюдения. Ну никак не заподозришь эту ухоженную дамочку в том, что она кого-то выслеживает, да еще в компании подруги и шарпея. А если и заподозришь? Предположим, задержит Ольгу охрана, вызовет компетентных товарищей, и что? Игра, дескать, товарищи дорогие. Специальная игра для тоскующих менеджеров среднего звена... Тот же Граф, скорее всего, фигура тоже подставная... Не исключено, что «игра» вообще планировалась как отвлекающий маневр, а сработала как основной. Секретоноситель Шорников исчез, меня и Ольгу сейчас ищут по всей Москве и области...

– Когда ты мне позвонила, я решила, что это от Графа, – продолжила Ольга. – Он иногда общался через какую-то девицу, секретаршу, что ли. А вот после похищения Павла он мне ни разу не позвонил.

Ольга умолкла, подлила в свой кофе еще чуть-чуть коньяка. Некоторое время мы сидели молча. Вот показалось мне, что нить ухвачена и уже в руках, но что я имею реально? Да, в спецслужбе имеется предатель, причем весьма могущественный, смогший уничтожить самого генерала Прохорова. Есть полупризрачный Граф, но Ольге он больше звонить не будет, это ясно как божий день. Есть еще пресловутая «Парадигма», но что с ней делать? Штурмом ее не возьмешь, внедрение или агентурная вербовка требуют времени, а у меня его нет. Если по пунктам, то вырисовывается следующее:

1. Евгения Федоровна получает задание найти пропавшего без всяких следов оборонщика-секретоносителя.

2. При первых же поисковых шагах Евгению Федоровну весьма квалифицированным образом пытаются убить.

3. Почти одновременно с вышеизложенными событиями погибает человек, который дал ей это задание, генерал спецслужбы Сократ Иванович Прохоров.

Пожалуй, дама с двумя высшими образованиями имеет право на некоторые выводы:

1. Секретоноситель пропал не по собственной инициативе, а был выкраден хорошо подготовленными профи.

2. Скорее всего, он еще находится в пределах Российской Федерации, и у Е.Ф. Гладковой неплохие шансы обнаружить его.

3. Кроме погибшего генерала Прохорова и Е.Ф., больше остановить неизвестных профи некому.

И, наконец, главное: у похитителей есть свой человек в прохоровской спецслужбе, который осведомлен обо всех действиях и решениях ныне покойного генерала.

Ольга допивает свой кофе и заявляет, что хочет спать. Ничего не имею против. Сама же я отправляюсь на кухню, включаю ноутбук и вновь просматриваю все данные по Павлу Шорникову, представленные Сократом Ивановичем. Изучим, еще раз, более тщательно близкое окружение Павла Владимировича. Закадычных друзей Шорников не имел, жена, мать, отец, теща вряд ли были во что-то посвящены. Павел даже охрану свою им старался не демонстрировать. А вот младший брат. Некий Шорников Сергей Владимирович, гвардии подполковник воздушно-десантных войск. Ну-ка, стоп! Не о нем ли говорил мне Сократ Иванович, когда предлагал помощника? Тогда я отказалась, а теперь...

Если этот гвардеец Сергей Шорников во что-то посвящен, то его неминуемо ликвидируют в самое ближайшее время. Неизвестный главарь этой банды похитителей отдал приказ рубить концы. Пожалуй, мне придется-таки познакомиться с этим подполковником, причем в самое ближайшее время... А, вот чуть не забыла! Отпечатки пальцев, которые я сняла с замка. Они принадлежат непосредственным похитителям Павла Шорникова, которые могут

быть никак не связаны с «Парадигмой». Ладно, с отпечатками после, сейчас я запоминаю адрес воинской части, а также домашний адрес Сергея Шорникова...

Полчаса сна, затем даю пару наставлений разбуженной Ольге и отправляюсь по адресу воинской части, где служит подполковник Шорников, поскольку живет он там же, в офицерском общежитии. На сей раз я использую личный транспорт – подержанный джип, приобретенный мною пару недель назад. Я редко им пользуюсь, в спецслужбе о средствах перемещения (как и о квартирах) никто не оповещен.

На КПП воинской части, где служил подполковник Шорников, я показала свою вторую ксиву прикрытия, где значилась журналисткой несуществующего, но имеющего громкое название издания.

– Утром была журналистка, – ответил мне дежурный прапорщик. – Только это вроде не вы были...

Я лишь передернула плечами, но внутренне насторожилась. Утром журналистка, вечером журналистка. Видимо, такого же телосложения, как и я, одним словом, сходство есть...

– Все равно Сергея Владимировича утром не было, – продолжил прапорщик. – Полчаса назад вернулся из учебного центра.

С этими словами прапорщик протянул мне телефонную трубку внутренней связи, по которой тут же соединил меня с подполковником Шорниковым.

– Мы с вами договаривались на прошлой неделе об интервью, – произнесла я не моргнув глазом, представившись журналисткой.

– Что-то не припоминаю, – не очень вежливым тоном отозвался невидимый Сергей Владимирович.

– Ну, может быть, не с вами, а с кем-то из вашего командования, – чуть сдала назад я.

– И что вы хотите? – тем же нелюбезным тоном спросил Шорников-младший.

– Я же вам объяснила – интервью.

– У меня нет времени.

Какой-то хамовитый неотесанный мужик. Чувствуется, что с трудом сдерживает себя, чтобы не послать меня на три известные буквы.

– Вы знаете, я ехала к вам сюда за восемьдесят километров, – чуть преувеличила я. – Думаю, вы могли бы сказать хоть пару слов.

В трубке возникла пауза. Мне показалось, что подполковник просто положил ее на стол, а сам отправился заниматься своими неотложными делами.

– Вы меня слушаете? – мне невольно пришлось первой нарушить паузу.

– Да, – уж совсем грубо отозвался подполковник. – Вам десяти минут хватит?

– Ну... Да, конечно, – быстренько, пока он не раздумал, согласилась я.

Положив трубку, я перевела дух и вытерла вспотевший лоб. Бывают же такие трудные в общении люди.

– Не обращайтесь внимания, – успокоительно произнес прапорщик, точно слышал весь разговор. – Он вообще-то хороший мужик. Только... Хмурый, одним словом, – после паузы подвел итог охранник КПП.

– Что вы сказали? – переспросила я.

– Хмурый, – повторил прапорщик. – Позывной у него такой был. Ну, радиопозывной, там, в Чечне... Он и в самом деле такой немного.

«Совсем даже не немного!» – мысленно возразила я, а вслух произнесла:

– Спасибо, учту! Если сейчас появятся еще какие-нибудь журналисты, не говорите, что я здесь. Хорошо?

– Хорошо, – кивнул охранник, но тут же уточнил: – Межведомственная конкуренция?

– Она самая, – кивнула я.

– Гончаров, проводи! – распорядился прапорщик, окликнув находящегося при КПП рядового.

Передвигаться по воинской части журналистам без провожатого никак нельзя. Рядовой Гончаров довел меня до кабинета, находящегося на первом этаже белокирпичного армейского здания, и сдал меня подполковнику Шорникову из рук в руки. Сергей Владимирович поприветствовал меня, встав из-за служебного стола, вялым кивком головы. Шорников-младший, он же Хмурый, оказался среднего роста, худеньким мужичком лет тридцати пяти. Одет он был в камуфляж, а на голове вместо голубого берета или «афганки» красовалась офицерская фуражка. Видимо, он только что зашел в кабинет и еще не успел ее снять. Мне Шорников-младший не слишком понравился, довольно заторможенный, с каким-то угрюмо-недоверчивым выражением лица. Похоже, явные напряжения с чувством юмора, а это очень плохо. Пожалуй, привлекали в нем лишь глаза – большие и синие.

– Что вы хотите? – первым переходит к делу он.

Он платит мне той же монетой. Похоже, как женщина я ему совсем не нравлюсь. Это означает, что он любит знойных восточных брюнеток, либо, напротив, славянок с излишками форм, типа моей новой знакомой Ольги. Я же ни то ни другое.

– Всего три вопроса, – отзываюсь я и мило улыбаюсь.

– Давайте свои вопросы, – подгоняет меня он, сняв наконец фуражку и повесив ее на крючок.

– Вопрос первый – численность личного состава вашей ВЧ, второй вопрос – передвижения и дислокация вверенного вам батальона, и третий – тактико-технические характеристики недавно поступивших образцов нового вооружения.

Я по-идиотски, в лоб, выложила ему три основных вопроса, которые интересуют разведку вероятного противника. Мне нужно как-то расшевелить этого Хмурого, заставить сменить его нелюбезную линию поведения.

– Неслабо, – только и произнес в ответ подполковник.

При этом ни его лицо, ни синие глаза не изменили выражения. Нервно дернулись ладони. Они у него отнюдь не десантные, на саперные лопатки не похожи. Скорее как у музыканта – узкие, с тонкими, ловкими пальцами.

– Чего вы все так любите дурочку валять? – спросил он, чуть смягчив интонацию.

– А почему вы так грубы с женщиной? Это ваш стиль общения с дамами, или лично я вам чем-то неприятна? – мне ничего другого не оставалось, как пойти на него в наступление.

– У меня мало времени, – в который раз, вернувшись тоном, отозвался подполковник.

Опять двадцать пять! Хмурый, он и есть Хмурый, ничем его не проймешь! Однако юмор мой он понял, реагировать и обижаться не стал, уже неплохо.

– У меня тоже мало времени, – кивнула я. – Речь пойдет о вашем брате Павле.

Приходится брать быка за рога, иначе он попросту выставит меня за дверь. В лице его вновь ничего не дрогнуло. Зато он быстро поднялся из-за стола и направился к выходу.

– Подождите меня здесь, – только и произнес при этом он.

О, армейский дубовый пенек с ушами! Сейчас он попросту запрет дверь, вызовет особистов, фээсбэшников, еще черт знает кого! Дескать, разбирайтесь, по вашей части – пришла какая-то девица, интересуется пропавшим братом... На окнах стальные решетки, которые не всякий взрывной заряд возьмет.

– Ну-ка перестаньте хамить! – я самым решительным образом встала между ним и дверью.

Хмурый остановился, оглядел меня с головы до пят своими синими глазами. Насчет брата с ним уже неоднократно беседовали и люди из прохоровской спецслужбы, и другие розыскники.

– Ну и что вы хотите сказать о Павле? – спрашивает он, фиксируя каждое мое движение.

– Он, скорее всего, жив, – произнесла в ответ я. – Но сейчас идет массированная зачистка тех, кто хоть как-то мог бы подействовать в его розыске.

– Не понял...

– Убивают их, Сергей Владимирович.

Он впервые усмехается. Но не весело, а опять же хмуро, в соответствии со своим радиопозывным.

– Я должен позвонить в одно место, – говорит Хмурый. – Уж извините, по-другому разговора не получится.

– Уж не майору ли Кирикову? – я называю фамилию одного из офицеров спецслужбы, занимающегося розыском Павла.

– Вы его знаете? – Хмурый пытается скрыть удивление. – Вы вообще кто такая?

Он уже окончательно понял, что я никакая не журналистка. Что будет дальше? Хмурый позвонит Кирикову, тот подтвердит, что есть у них в найме такая блондинисто-рыжеватая девица... А если Кириков, он же Пограничник, и есть сообщник тех, кто похитил Павла?

– Давайте пять минут подумаем, – произношу я первое, что приходит в голову. – Посидим и пять минут подумаем.

Как ни странно, но Хмурый молча возвращается к столу. Обычно подобные субъекты терпеть не могут, когда ими командуют, тем более женщины... Сейчас мне остается надеяться или на то, что я сама что-нибудь за пять минут придумаю, либо что-нибудь путное придумает Хмурый (о, как мало на это надежд!), либо произойдет что-то экстраординарное и дальнейший ход событий изменится сам собой...

Не прошло и пяти минут, как начал свое развитие третий вариант.

– По поводу исчезновения моего брата Павла меня позавчера допрашивал некий майор Кириков, оставивший свой телефон, – казарменно официальным голосом прервал паузу Хмурый. – Если вы его знаете, то он должен знать вас.

Подполковник вздохнул, выдержал некоторую паузу, затем продолжил:

– Мне придется немедленно с ним связаться. Как ваши имя-отчество-фамилия?

– Евгения, – коротко отвечаю я. – Кирикову этого будет достаточно, звоните!

Пусть, пусть свяжется с Кириковым-Пограничником. Если Кириков – «крот» (так во всех спецслужбах мира называют тех, кто работает на вражескую сторону), то это выяснится очень скоро. Пограничник прикажет задержать меня любыми доступными способами, потом пришлет своих людей, потом... Что потом, лучше даже не думать. Если же Кириков не «крот», то он, скорее всего, ничего не станет предпринимать. Взяли след, Евгения Федоровна, идите по нему. Как любимый пограничный пес Алый.

– Звоните Кирикову! – решительно махнула рукой я.

Сергей Владимирович потянулся уже к телефону, как раздался звонок по внутренней связи.

– Очень интересно, – привычно, без всякого выражения выслушал сообщение подполковник. – Подожди минуту, – сказал он собеседнику и, повесив трубку, испытующим синим взглядом уставился на меня.

– На КПП сейчас стоит еще одна журналистка, которая жаждет со мной побеседовать, – сообщил Хмурый, кивнув на аппарат внутренней связи. – Что скажете, Евгения?

Вот и вторая журналистка! Та, что была утром, по словам дежурного прапорщика. С чего это вдруг подполковника с подобающим его натуре позывным так сегодня атакует пресса?

– Знаете что? Пусть ваш прапорщик скажет, что вы заняты, но если она так жаждет с вами побеседовать, то через пятнадцать минут вы сами придете на КПП. И еще пусть скажет, что беседовать на территории части не положено, а вот в соседнем сквере сколько угодно.

Хмурый заметно колеблется, но выглядит уже не так, как характеризует его позывной. В синих глазах появился огонь, некий боевой азарт.

– Я ведь вам сразу сказала – ближний круг Павла Шорникова зачищают, – продолжила я.

Легче всего сейчас связаться с местным отделом ФСБ или даже МВД. Они, по мере способностей, разберутся со второй журналисткой... Скорее всего, попросту спугнут.

– Хорошо, Евгения, – кивает головой Хмурый и связывается с прапорщиком.

Я же мысленно прикидываю, за сколько времени доберусь до своего джипа, возьму оставленное там оружие (на территорию части тащить его не рискнула), сориентируюсь в сложившейся обстановке. Сквер я себе представляла хорошо, предварительно прошлась по нему, прежде чем взойти на ступеньки КПП.

– Она сказала, что будет ждать меня на второй скамейке от ворот воинской части, – сообщил подполковник.

– Оружие возьмите, – произнесла я.

Подполковник усмехается, затем достает из ящика стола ключи, отпирает несгораемый сейф.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.